

Журнал "Вокруг Света"

№4, апрель 1962

УДК 55
ББК 26.3
Ж92

Ж92 Журнал "Вокруг Света": №4, апрель 1962 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 66 с.

ISBN 978-5-458-43218-4

Журнал "Вокруг Света" издается с 1861 года, и заслуженно считается лучшим научно-популярным изданием, о чем свидетельствуют многочисленные награды читательская любовь. "Вокруг Света" позиционируется как журнал о путешествиях, научных открытиях, перспективах развития цивилизации, в общем о мире людей. Постоянными авторами журнала в разные годы были: Кир Булычев, В. Ерофеев, А. Беляев и многие другие. За время издания было выпущенно 2860 номеров журналов (данные на май 2012 года). В номере:- Синие ветры- Ты слышишь меня, Земля- Конец "таежной" топи- Суоми - страна фестиваля- Ад живых людей

ISBN 978-5-458-43218-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПИСЬМА, КОТОРЫХ ЖДУТ

На небе желтым сиянием пушит-ся тонкий ломоть луны. Вздрагива-ют звезды. Светает. Лесорубы уже на ногах.

— Ребята, геодезистку не видели?
— Машу-то? Она на трассе...

Вечер. Луна заволакивается моро-зной дымкой. Давно вернулись ле-сорубы. А Маши Селезневой все нет и нет...

— Ребята, где же Маша?

— Там, — и кивают в сторону тайги. — Еще не приезжала.

Поздно возвращается Маша. За-порошенная снегом, в клубках мо-розного пара. В валенках, ватных брюках и телогрейке, в громадной косматой шапке. Щеки, огненно на-румяненные морозом. Глаза боль-шие, темные. Брови тонкие, надлом-ленные посередине. Подходит к сто-лу, наливает в стакан чай. И, с тру-дом разжимая посиневшие губы, спрашивает:

— Но... и ...ок?

— Да, новичок, — говорю я.

Так мы и познакомились.

Как-то, побывав у нее в гостях, я увидел рядом с «Русским лесом» —

это настольная книга Маши — стоп-ку писем.

— Получили? — спросил я.

— Нет, не отправила. Нужно было бы писать о другом, а я все о тайге да о работе. Теперь письма у меня вместо дневника.

Секретов там нет, посмотрите...

«20 мая 1961 года. Падунские пороги.

...Работаю я теперь не в лесхозе, а в Управлении строительства и монтажа сетей и подстанций — со-кращенно УСМСП. И живу не в из-бушке, а в большом двухэтажном доме на Падуне.

Тебе не терпится узнать, почему я вдруг сменила профессию? Ведь я выросла в лесу, мечтала стать лес-ником, оберегать русский лес. После техникума, как ты знаешь, я два го-да моталась по тайге, пугала брако-ньеров, тушила пожары. А рядом, совсем рядом, была Братская ГЭС... И мне захотелось жить в боль-шом коллективе, потянуло к строи-телям.

Не помню, писала ли тебе о том вечере, когда мы, голодные, озяб-шие, усталые, после двухдневных скитаний по тайге вышли на линию электропередачи Братск—Иркутск.

Вдаль через сопки убегали ажурные опоры. Гудели провода. И шумела тайга. Ровно и сдержанно. Пламенел закат. Ветер срывал с деревьев снежную пыль и поднимал ее над лесом. А провода все гудели и гу-дели... Глядя на бегущие по сопкам мачты опор, я завидовала тем, кто сумел в глухой тайге сделать такую красоту. И захотелось самой, своими руками сделать такое же, как эти опоры, — воздушное, изящное, та-кое, чтоб нравилось людям с перво-го взгляда.

Недавно я окончила курсы геоде-зистов и теперь работаю на ЛЭП-500, Братск—Тайшет. Участок это новый, необжитый. Ни дорог, ни жилья».

«20 сентября. Турма.

Ты спрашиваешь, какая сейчас тайга. Но разве осеннюю тайгу опи-шешь? Ее можно сравнить с музы-кой, в которой есть колдовство. Она — волшебная...

«1 октября. Тарей.

Недавно начали земляные работы: роем котлованы и ставим фундамен-ты для опор. Все шло как по писа-ному — и вдруг неудача... По моим отметкам экскаваторщик вырыл кот-лован для опоры и ушел на следую-щий пикет. И вдруг я обнаружила, что ошиблась в расчетах: котлован был недорыт на полтора метра. От стыда я не знала куда деться. Но люди в бригаде хорошие: пожарили новоиспеченную «геодезистку» и всё пере-делали. А скоро сбудется то, о чем я так мечтала: начнем первую опору».

«16 октября. Тарей.

...Вот послушай:

Морозом скованная, ине-ем одетая, в дымке сизой стоит, задумавшись, дрему-чая, спокойная тайга. Не вздрогнет ветка под ки-пенью белой, не вскрикнет птица, зверь не зарычит. Лишь иногда треск легкий, выстрел гулкий — от лю-той стужи колетса земля.

Эти строки пришли сами собой, от радости. Опора почти готова. Первая опора, представляешь? За ней пой-дет вторая, третья... деся-тая, двадцатая... И побегут по тайге провода...

НАДЕЖНЫЙ ПАРЕНЬ

Широко расставив ноги и сунув руки в карманы пол-лушубка, на тропе стоял широкогрудый великан. Си-ние глаза, брови сошлись на переносице. Было в нем что-то сродни красоте окрестных мест — небро-ское, сдержанное, но такое, что запоминалось с одного взгляда.

— Пантелеймон, — знако-мясь, оглушительно прогу-дел он.

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

И мне показалось, что, вздрогнув, ответно зашумел лес.

— Видали, какой? — сказал начальник участка, когда мы отошли. — Ручищи, как кувалды, хлопнет — мокрое место останется. Как-то, встретив шатуна, пошел на него с голыми руками. Медведь остановился, заревел — и пустился наутек.

Я прожил несколько дней в бригаде, но вопреки ожиданиям великан подвигов не совершал. Был такой же, как всегда, — будничным, неулыбчивым. Вместе со всеми поутру отправлялся в лес и, усталый, вечером возвращался с трассы. О себе рассказывать не любил. Но однажды, листая дневник Володи Майстришина, я обнаружил две любопытные записи. Они имели прямое отношение к Пантелеймону, которого Володя называл «надежным парнем».

«29 октября 1961 года.

На днях Лешку Изотову повредило бревном ногу. Как на грех, под рукой не оказалось машины: накануне ушла за продуктами, а Лешку нужно было срочно отвезти в больницу. Он скрежетал зубами и тихо стонал. Тогда Пантелеймон взвалил больного на спину и пошел напрямки через тайгу к зимовью. Идти по снежной целине, да еще с ношей, — дело нелегкое даже для такого силача, как Пантелеймон. Он спотыкался, проваливался в ямы. На полпути оступился и вывихнул ногу, но промолчал. 22 километра он прошел за пять с половиной часов! Добравшись до зимовья, сразу же позвонил по телефону в поселковую больницу.

— Машины нет, — ответили ему, — ушла по вызову. Да и не проехать к вам. Пурга...

— Как же быть? Парню плохо. Он потерял много крови.

В трубке помолчали.

— Давайте так:несите больного до наезженной лесхозовской дороги. Туда подойдет «Скорая помощь».

До лесхозовской дороги семь километров. По сугробам и целине... Пантелеймон срубил палку, туго перетянул портянкой вспухшую ногу и снова взвалил Лешку на спину. Скоро совсем стемнело. Звезд не было. Пантелеймон брел наугад, доверившись чутью.

Через несколько часов он присел, чтобы передохнуть. Лешка был совсем плох: метался в жару и бредил... И вдруг Пантелеймон увидел мигающие огоньки. То была «Скорая помощь». «А я уж подумал: волки, — рассказывал потом Пантелеймон.

Вместе с Лешкой положили в больницу и его».

«2 декабря 1961 года.

Никому не пожелаешь взбираться на Лысую сопку. Дорога крутая, скользкая.

...Два дня гуляла метель. Сугробы перемели дорожку. Вечером буря улеглась, а утром ветер принес оттепель. У подножья Лысой шофер остановил машину и скомандовал:

«Вытряхивайся живо!» Покинул кузов только Пантелеймон. («Мне еще жить хочется».) Положил на плечо бензопилу, медленно зашагал в гору. А мы остались в машине.

— Не впервой же, Саня. Ничего не случится, трогай.

Шофер сплюнул и сел за баранку. Крутизна так опасна, что дверку кабины он держал открытой. Мотор ревел из последних сил. Когда до перевала осталось метров пятьдесят, машина заглохла. А спустя минуту мы пожалели, что не «вытряхнулись» вовремя. Машину начало сносить вниз. Случилось то, чего так опасался шофер: не держали тормоза... В крытом кузове мы оказались, как в западне. Выпрыгивать было глупо: тут же угодили бы под колеса. И не прыгать нельзя: с каждым мгновением приближался обрыв.

— Баранку, баранку выворачивай! — донесся голос Пантелеймона.

Сашка вывернул баранку — и тут произошло чудо. Росшая на краю обрыва сосна вздрогнула и, отряхнув снежную пыль, с треском и грохотом пошла вниз и упала на пути скользкой машины. «ЗИЛ» встряхнуло, и наступила тишина... Ничего не понимая, мы стали выпрыгивать из кузова. Задние колеса упирались в могучий ствол дерева. А в стороне стоял Пантелеймон, стирая со лба пот. У его ног в снегу лежала дымящаяся бензопила. Как он успел сообразить, а главное — так быстро спилить сосну, до сих пор не понимаю!»

СТЕПАН ОСТАЕТСЯ В ТАЙГЕ

А вот запись из дневника Ильи Зверева:

«В бригаде появился новичок — Степан Ерофеев. Нам не понравился сразу. Надменный и франтоватый. Курил, держ папиросу на самом кончике губ. На работу поехал в поскрипывающих хромовых сапогах и блестящих кожаных перчатках.

— Лучше бы сразу ушел, без канители и по собственному желанию, — сказал о нем Гаврик Фатеев.

— Зеленый еще, ошелушится, — возразил я и сказал Гаврику:

— Будешь шефом...

Характер у шефа был крутой.

— Этой железкой, что, лес рубят? — кривляясь, спрашивал Ерофеев, показывая на топор.

Гаврика взорвало:

— Нет, рыбу чистят... Ну, чего глаза пялишь? Видишь бревнышко? Тащи в костер.

В бревнышке больше четырех пудов. Ерофеев поднатужился, крикнул и... сел. Бревно-то примерзло к сне-

гу. Да и не под силу была ему такая тяжесть.

— Не мужчина, а барышня слабая, — проворчал Гаврик, подтаскивая бревно к костру.

Но и такие случаи не задевали мужского самолюбия новичка. Ерофеев работал с лентой, слишком часто устраивал перекур, дольше всех обедал. Гаврик, однако, заставлял его работать наравне с собой. А надо сказать, в работе злее Гаврика трудно найти по всей трассе. «Сбежит, не выдержит, — думали мы, — уж слишком занозист и к увещаниям глух».

Но Ерофеев не сбежал. Втянулся в работу и начал поджимать Гаврика: так же яростно валил деревья, неутомимо ходил по сугробам, реже устраивал перекур. Вместо изорвавшихся сапожек надел валенки, потускневшие щегольские перчатки сменил на брезентовые рукавицы.

А спустя месяц даже папиросы стал курить нормально. Но дурную славу нажить — не пить попросить; в хорошие люди попасть — не стожок скласть. Ерофеева долго не принимали всерьез.

Признание он получил неожиданно.

В трясину провалился трактор. Под гусеницы полетели ветки, чурки, бревна. Но трактор все оседал.

— Глуши мотор! — крикнул Ерофеев трактористу. — Будешь барахтаться — глубже сядешь.

Мы переглянулись: прав Ерофеев.

— Теперь, — продолжал Ерофеев, — надо бы подкоп сделать для гусениц.

Сделали подкоп, расчистили путь. Тракторист рывком сдвинул трактор назад и... сел картером на громадный пенек. Гусеницы повисли над землей. Чтобы спасти трактор, надо заползти под его брюхо и подпилить пень. Сук, на котором сидишь, и то пилить безопаснее. Трактор был на весу: нерасчетливое движение — и он соскользнет с пня в трясину, придавит.

Мы сидели и философствовали о причине и следствии, о случайности и необходимости. Причина была ясна, следствие тоже. Случайность? Может быть. Но спасти трактор необходимо. Сидели и не решались. Кто же рискнет нырнуть под трактор?

Нырнул Ерофеев. Неожиданно. В одно мгновение. Гаврик схватил его за ноги. Ерофеев пильщик никому дышный, мог натворить таких дел... Раздалось монотонное жужжание, и полетели опилки. Пила вошла в пень. Однако Гаврик ног Ерофеева не отпустил. Цепь пилы дымилась. Оседая, трактор ее зажимал. Внезапно пень затрещал. Качнувшись, трактор стал сползать. Растеряйся Гаврик на тысячную долю секунды, Ерофеев остался бы под трактором... Он выдернул Ерофеева вовремя и обнял первым».

СУОМИ — СТРАНА ФЕСТИВАЛЯ

Эту продавщицу корзин журналист Е. Дон сфотографировал на одной из улиц Хельсинки — столицы Финляндии.

На страницах 33—38 мы публикуем очерк об этой стране. Вы совершите путешествие по ее дорогам, побываете в Музее В. И. Ленина в Тампере, встретитесь с молодыми друзьями из Суоми.

СИБИРСКИЙ

Разговор в кабине шагающего ★ Сибиряк — по стажу или по характеру? ★ Ночь на байкальском льду ★ Рассказ неприметного человека ★ Счастье, найденное неудачником ★ Романтика и статистика ★ Кузница, где куются характеры ★ Партия зовет.

Никогда не забудется встреча с Сибирью. Весна, автобус бежит по узкой асфальтовой дороге, проложенной через леса; тайга еще полупрозрачна, пуста, небо сквозит в жидких березовых ветвях, но весенний воздух властно прорывается в закрытые окна. Лило-вые волны багульника плещутся у самых обочин, и когда автобус из темного и сыро-холодного распада взбирается на какую-нибудь лысоватую вершину, то дальние сопки кажутся лиловыми — это багульник расцвел их, украсил. А ты, взволнованный встречей, вслушиваешься в говор пассажиров: вот как она открывается, Сибирь, страна, о которой столько читано, столько слышано, страна, с которой тебе предстоит сродниться!

Обрывается тайга, и автобус влетает в степь — здесь движение его словно замедляется. Так широко всхолмленная невысокими распаханными сопками земля, что долго-долго один и тот же рисунок дальней гряды сопки маячит в окне.

Какое ощущение простора, воздуха! Ты знаешь — еще ждут тебя за этими горизонтами гудящие стройки, центры великого преобразования края, города, искрящиеся электрическим светом, ты еще увидишь гребни гигантских плотин, услышишь взрывы, которые сметают целые горы. Но кто он, человек, волею, энергией, умом которого преобразуется этот необъятный край?

* * *

Этот разговор завязывается в кабине шагающего экскаватора. О шагающих написано много. Машина действительно может поразить воображение.

„Партия верит комсомолу, советской молодежи и зовет наше молодое поколение вперед—на штурм, на стройки коммунизма!“

Н. С. ХРУЩЕВ, Отчет ЦК КПСС XXII съезду партии

Ну, что бы вы сказали, если бы пятиэтажный дом, в котором вы живете, поставили на металлические лапы-опоры и он зашагал бы по улице гусиной походкой, тяжело ставя на землю стальные отполированные ступни?.. Такие машины-гиганты как-то под стать Сибири, ее стройкам, не знающим равных по своим масштабам.

В туманные дни стрела экскаватора теряется в молочной мгле, и начальник экипажа вынужден управлять машиной с помощью радио.

— Вира помалу!

— Майна!

Сегодня как раз на стройке туманный день. Встревоженная людьми, прегражденная плотинной река клокочет и выбрасывает в морозный воздух такие клубы пара, что молочная завеса скрывает людей друг от друга.

Николай Черных вглядывается в стенку тумана,

где скрывается стрела и где он каким-то особым профессиональным чутьем угадывает движение людей... Приходит напарник Николая, и экскаваторщик сдает смену, но не уходит, и мы продолжаем в кабине начатый разговор. У Черных — среднее техническое образование, он начитан, толков, отлично осведомлен во всех вопросах строительства — ведь начинал чернорабочим.

— Экипаж у нас подобрался отличный, — басит Черных. — Вы возьмите механика, Носкова Константина — молодой крепкий парень, можно сказать, настоящий сибиряк.

— Костя без году неделю в Сибири, — смеется напарник.

Николай возражает:

— Не в том суть, когда приехал. Обжился парень. А главное — характер у него сибирский!

Я спрашиваю у Черных, кого же он называет настоящими сибиряками.

Экскаваторщик минуту медлит с ответом.

— Я так думаю. Условия у нас нелегкие. Требуешь души, огонька. Иначе не берись. И если человек крепкий... — Черных сжимает кулак. — ..Упорный, на ногах держится твердо, то наш, сибиряк. Это главное.

Из молочной завесы, скрывшей стройку, доносятся голоса рабочих, короткие очереди перфоратора.

— Вон там наши ребята монтируют кран. Вы знакомы с работой монтажников?.. Ну, так знаете, каково им приходится здесь. Река парит, а мороз. Кругом металл. Скинешь брезентовую рукавицу, вмиг застынет рука. А ведь иной раз приходится скидывать. Зацепится парень монтажным поясом и висит у себя на верхотуре, за воротничком ветер гуляет. Внизу Ангара капит. И никто не пожалуется. А чуть какая беда с кем — все помогут. Сибирью воспитаны.

Мы вспоминаем все поколения, «воспитанные Сибирью». Землепроходцев-казаков, прошедших эти земли насквозь, вышедших к берегам Тихого; потомки этих первых сибирских насельников увидели Аляску, основали первые русские поселения на берегах Северной Америки, в Калифорнии. Люди большого мужества, особой физической закалки, отмеченные той неистребимой жаждой познания, которая отличала всех первооткрывателей. Побравшись, породнившись с исконным населением Сибири, они дали жизнь новым поколениям, для которых суровый, беспредельный край был родной... Мы вспоминаем первых переселенцев-крестьян — покидая «Запад», они, энергичные, свобододолюбивые люди, не верившие ни в бога, ни в черта, увозили с собой ненависть к помещикам и попам и тоску по «земле обетованной». Сибирь встречала их неласково — урядничья, тюремная

молчаливые и разговорчивые, смешливые и суровые, еще не «обстрелянные» и уже «бывалые»... Но все мы имеем право смотреть людям прямо в глаза: чисты наши помыслы, чисты наши поступки и дела.

понял, что имею право называть себя инженером. Мы вели бетонные работы наверху, на здании будущей станции. Работы большие, измерялись тысячами кубиков. А носить раствор приходилось вручную. Примешь бадью — и на носилки. Потому что кран не мог туда дотянуться стрелой. Подсчитано было, что наша работа займет месяца три-четыре. И тут мелькнула у меня догадка. Что, если самосвал поднять наверх и его использовать для перевозки раствора? Проложить для него дорогу — вроде как рельсы — и гонять по площадке. Тридцать метров туда, тридцать обратно. Выбросил кран бадью в кузов, а самосвал доставил ее к месту заполнения, выгрузил. Я сделал необходимый расчет, получилось, что производительность труда у нас вырастет в шесть-семь раз и мы справимся с заданием гораздо быстрее. Пошел с этим расчетом в управление. Выслушали, одобрили. Выписали премию. Ну как, спрашивают, не пора ли тебе. Маслов, подыскать работу по специальности? Так я стал прорабом. А бригада бетонщиков, в которой работал, вошла в мой участок. Что ж — дело пошло неплохо, потому что все уже было знакомо.

И, понимаете, привязался я к этой своей работе и к Сибири. Видно, потому, что именно здесь почувствовал себя нужным человеком, который не только требует, но и может что-то дать другим. Здесь какой-то особый простор ощущается: твори, пробуй, тебе доверяют, рассчитывают на твою самостоятельность, умение мыслить. Ведь здесь многое делается впервые, без прецедентов. И эта электростанция — особая, второй такой во всем мире не найдешь. Нет, никогда не жалел о своем решении поехать сюда. Ведь, может быть, останься я там, где вырос, где жизнь шла «в русле», я бы так и не узнал никогда, на что способен, не нашел призвания».

* * *

Мы едем по Якутскому тракту — поэмка змейками перебегают шоссе, в кабине тепло — из отверстия в днище, где видна докрасна раскаленная труба коллектора, веет баннным жаром, щетка дворника без устали смахивает легкий снежок с ветрового стекла. У шофера — скуластого молодого парня — расстегнут воротник гимнастерки, он наслаждается геллом, которое особенно ощутимо и приятно здесь, в этой маленькой жестяной кабине, посреди вьюги. Иногда шофер, прищуренными глазами следящий за дорогой, как-то особенно цепко хватает руль, выгибается вперед, и машину начинает трясти, как в ознобе, — это встретился «ребристый шифер», участок асфальта, покоробленного морозом и влагой.

Я уже знаю, что шофера зовут Леней, что он служил в армии и ему двадцать три года. Путь нам предстоит неблизкий, поэтому и разговор завязывается неторопливый, обстоятельный.

«Шоферу здесь раздолье, — продолжает рассказ Лenea. — Шофер здесь первый человек. Без машины в Сибири, как говорится, ни туда и ни сюда. Но тяжело. Ничего, приобвык. Не сразу, конечно. Я человек разговорный, легкий на слово. Попал на автобазу, а там собралась бывалая публика... Народ, прямо скажем, на первый взгляд

мрачноватый. Я к ним с расспросами, как тут насчет калыма и прочего. — они помалкивают. Значит, чужачком пришелся, белой ниточкой на черном сукне. Потом сообразил — а чего им меня в душу сразу лущать? Они, может, то пережили, чего я и в кино не успел перевидать. Смекаю, приглаждаются ко мне. Сибиряк, он такой: ты сначала докажи, что не летун, не налетчик по длинным рублям.

Ну, ладно. Дают как-то мне задание — отвезти кое-какие продукты на Байкал. И среди прочего — мандарины ребятишкам. Я думал, мигом слетаю, а вышло не так. По тракту проехал нормально, потом свернул на зимник, да задержался по дороге, попал на наледь, а под ней — горячие ключи. Провалился. Пока выпутался, стемнело. На лед выехал в сумерках. Дорогу, правда, знал, ехал смело. Ветер поднялся сильный, прямо чувствуешь — будто кто толкает машину в сторону. Вот тут-то мой мотор чих-чих — и заглох. Стою посреди моря, как перст, только ветер песенки играет. Покопался в моторе минут пять — и обратно в кабину. Такой ветер, что лицо немеет, а пальцы сводит. Понял: с подачей неполадки. Искра есть и все такое, а бензин в карбюратор не идет. Значит, надо бензонасос разбирать. А как его на таком холоде разберешь? Знаешь, если пальцы бензином смочить, враз отморозишь. Что же, сливать воду и ждать, пока днем кто возьмет на буксир? Пуще всего мандаринов жалко. Померзнут, привезу я детишкам одну гниль.

Решил все-таки: попробую повозиться с насосом. Вдруг выйдет. Плохо без костра. Где его разожжешь на льду? Обогреться негде. Включил переноску, стал разбирать насос. Мотор быстро остыл. Минутку поработаешь, потом пальцы за пазуху суешь. Снял насос, перешел в кабинку — легче стало. Только правая рука перестала слушаться. Зашлись пальцы. Тёр-тёр — не помогает. Кое-как починил насос, сменил прокладку, поставил на место. Тут и левая рука отказала. Но мотор зара-

ботал. Разогнал я как мог, лечу птицей — эх, только бы не встретить трещину какую на льду. Грудью руль прижал — так правлю, а ладони за пазухой держу. Подъехал к сельпо, тут меня встретили — и сразу в больницу. Укол сделали, уложили на койку. Руки стали отходить, только кожа с них полезла. На второй день врачи не отпускают. Вдруг слышу — больные кричат: «Ленька, к тебе пришли!» «Кого, — думаю, — принесло? Родные далеко, кому я нужен?» Вижу — вваливаются двое с моей автобазы. Ребята под потолок, а тут робеют, мнутса как телята. Вываливают мне на одеяло целый ворох еды — питаюсь, говорят, не сердчай, что на выручку не пришли — не думали, что так может произойти. Но ты в нас не сомневайся.

Тут я и понял, что вроде стал для них своим, сибирским. Народ здесь дружный, не дадут погибнуть, как стружке. Если надо, в пустыню за тобой нырнут, выгатают. Но без этих, без нежных слов, без целовков всяких. Тут не принято, понимаешь, хлопать по плечу. Я когда вернулся на базу, признаться, думал: может, герой Ленька, совершил поступок. Может, думал, газета заинтересуется. Лестно все-таки.

Молодой был, зеленый, что говорить. Но никто ничего мне эдакого и не подумал сказать. Только по-другому стал себя чувствовать среди товарищей. Легко мне стало, так, понимаешь, свойственно как-то...

* * *

Хорошо помню, с чего начался этот разговор в салоне «ТУ-104». Нас было четверо за столиком, и так как, к счастью, ни один из нас не был любителем преферанса и не высказывал желания «забить козла», то разговор завязался легко, как единственная возможность разнообразить дорожные часы.

Сначала речь зашла о расшифровке рукописей племени майя — вся Сибирь гордилась, что именно ее молодая наука осилила эту нелегкую задачу. Тут один из пассажиров со смехом вспомнил, что видел в Иркутском краеведческом музее любопытный экспонат — изображение древнетюркских надписей, высеченных на скале у реки Лены, которые, как было это выяснено учеными, означали в буквальном переводе: «я не наслаждался», «я благословляю», «я умираю».

— Что ж тут смешного, — сказал другой пассажир, историк по специальности, — я лично вижу в этих надписях следы какой-то глубокой драмы человека, по интеллект, может быть, опередившего свое время. Человек, прожив жизнь, только перед ее финалом понял, что прожита она была не полно и умирает он с болью, не ощутив ее полноты, не ощутив радости. И вот вы представляете себе этого чрезвычайно дикого по виду философа, чем-то похожего на роденовского мыслителя, который, собрав последние силы, идет на скалу и высекает эти почти библейские слова?

— Ну, это уж слишком, — возразил первый пассажир. — Это уже, знаете ли, фантазия, игра воображения.

Прошел год с того дня, когда советский космонавт впервые в истории человечества проложил путь к звездам...

«Утро космической эры»¹. В этой книге нет ни одного сухого, равнодушного слова. Ведь речь идет о со-

¹ «Утро космической эры». Госполитиздат, 1961.

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ КОСМОСА

бытиях, равных которым не было в веках.

Казалось бы, читатели уже знакомы со всеми документами этого сборника: затаив дыхание слушали мы рапорты из космоса — рапорты Юрия Гагарина и Германа Титова; жадно пробегали радостные газетные и журнальные строки; внимательно следили за поздравительными телеграммами, что потоком шли в Москву со всех концов света...

Но эти документы не устарели сегодня, не устареют никогда, потому что не могут устареть страницы, свидетельствующие о рождении новой эпохи. Собранные вместе, они волнуют особенно глубоко — доносят до нас бурю чувств, которая охватила человечество.

Чешская газета «Прага» писала: «Слышим голос Гагарина: «Возвращаюсь домой!» С чем сравнить эти слова? С залпом «Авроры», возвестившим миру начало новой эпохи?

Запал был взорван, и так легко начатая путевая беседа приняла неожиданное философское направление.

Говорили о том, что как бы ни сложна была жизнь, как бы ни разнообразны были интересы и увлечения человека, все-таки настоящую удовлетворенность, ощущение полноты, нужности, насыщенности жизни дает главное — работа. И так как собеседники были патриотами Сибири, то все пришли к выводу, что многих добровольцев, приезжающих в Сибирь, влечет именно возможность наиболее полно в трудных условиях проявить свои силы: здесь они получают особую широту для действий, инициативы. Геолога ждут здесь скрытые до поры до времени богатства недр, строителя — невиданные по масштабам сложности стройки, шофера — дальние пути... Для всех здесь найдется дело по душе.

И тут в разговор вступил маленький, худенький, неприметный человек. До сих пор он молчал, углубленный в свои размышления.

— Это вы очень верно говорите насчет Сибири, — сказал он тихо, и все мы почувствовали за этими словами что-то глубоко личное, прочувствованное, пережитое.

Историк попросил маленького человека рассказать о себе, и вплоть до самой Москвы мы слушали его неторопливую речь.

— У меня, видите ли, поначалу неудачно складывалась жизнь — так по крайней мере я считал. В школе я страстно, до самозабвения мечтал стать летчиком, прочитал уйму специальных книг, изучил все, что касалось авиации, включая законы аэродинамики, но в летное училище так и не смог попасть по причине здоровья. Три раза подряд меня браковали доктора, а я все бредил и бредил небом. Меня даже в армию не взяли из-за этого здоровья, но я так и не расставался со своей мечтой. А мои друзья, те, кто и наполовину не был, как я, заражен тоской по небу, полетам, стали настоящими летчиками. Между тем я изучил радиодело, как специальность, безусловно, необходимую будущему летчику, и работал — не смеетесь! — в ателье по ремонту радиоприемников.

Со словом «Мир!», раскатившимся в мае 1945 года?»

Бела Иллеш, венгерский писатель: «Тот факт, что первый полет в космос совершил советский человек, не случаен. Это логика истории...»

Антонио Берардо, уругвайский рабочий: «Это грандиозно. Грандиозно, что первым был советский человек».

Джеймс Олдридж, английский писатель: «Мне думается, что все ученые и инженеры, так же как сам космонавт, чувствуют, что на наших глазах совершается вторая величайшая революция в истории человечества. Советский Союз должен испытывать огромную гордость: именно он подарил миру обе эти революции».

Сахиб Сингх Сокхей, индийский общественный деятель: «Вы очень удачно выбрали первого космонавта. В его биографии воплотилось и слилось все лучшее, что есть в народе вашей страны. Сын колхозника, рабочий в юности, летчик, овладевший искусством космического пилотажа в 27 лет, — это, я бы сказал, в миниатюре биография вашей бурно развивающейся страны, если мне будет позволено сравнить историю

страны и биографию человека. Новых вам успехов, друзья!»

Кажется, никогда люди — почти все трехмиллиардное население земли — не были так единодушны в своих чувствах, как в дни 12 апреля и 6 августа 1961 года.

И что интересно и важно: горячие слова приветствий относились не только к Юрию Гагарину и Герману Титову лично. Они относились к советскому человеку, воспитанному партией. Человеку, который безотказно готов служить Родине.

Люди разных национальностей, разных профессий, разных политических убеждений понимают ту простую истину, что победа советского человека в космосе — это прежде всего победа нашего общественного строя, нашей науки и техники.

И вот еще одно очередное свидетельство наших успехов: 16 марта 1962 года вышел на орбиту новый искусственный спутник Земли. Этот запуск — продолжение осуществляемой Советским Союзом программы исследования космоса. Для ее выполнения в 1962 году с различных космодромов нашей страны будет произведена серия запусков искусственных спутников Земли.

Л. ЧЕШКОВА

И вот неожиданно получаю письмо от одного из своих друзей-летчиков. Пишет, что он в авиации. В тунгусской тайге, летает на «Яке» и что недавно он, как секретарь комсомольской организации, беседовал с замполитом обо мне и тот предложил мне интересную работу — начальником нового аэродрома в тайге. Специального образования, мол, для этого не требуется, потому что аэродром очень маленький, так, скорее просто посадочная площадка, да и той пока что нет, а моя задача как раз и будет состоять в том, чтобы ее выстроить. Оклад, пишет, небольшой, а работа сложная, требующая постоянных забот и волнений. Я прочитал письмо, собрал вещи, купил полушубок, валенки и выехал на второй день.

Через неделю был на месте, в тайге. Ну, что вам рассказывать о таежном охотничьем поселке? Три-четыре десятка домов, надежно срубленных из лиственницы, две улицы, клуб-пятистенка... Самолеты прилетали туда редко, садились прямо на реку, потому что больше сесть было некуда. Но аэродром был нужен — осваивались новые воздушные линии, осваивалась тайга, кругом вырастали поселки, геологи вели здесь поиски всяких редких вещей, и небезуспешно, а мое летное поле шумело на ветру вековых соснами. Так я стал начальником несущего аэродрома, один, без подчиненных, и мне предстояло прежде всего очистить от леса несколько квадратных километров. Признаюсь, первую ночь в этом поселке я не спал, читал при свете керосинки Сент-Экзюпери: тяжело было, очень тяжело. Но — как это сказано у Грина? — «утро всегда обещает». Утром я вспомнил вековую мудрость — если тебе тяжело, иди к людям. Вместе с бригадиром местного охотничьего колхоза мы обошли все дома. Я говорил об аэродроме, о том, что с его строительством поселок станет крупным транспортным центром, что к каждому из них сможет теперь прилететь по вызову врач; охотники слушали мою бойкую речь, посмеивались в бороды, но на воскресник пришли. Когда спилили деревья, пришлось освоить профессию взрывника. Рыл под пнями ямы, закладывал аммонал и едва успевал

убежать от сыплющихся обломков. Пришел день, и площадка была готова. Я сам сшил из марли чехол ветроуказателя, выкрасил его, как положено, и повесил на шест, чтобы летчик видел направление ветра. Разве забыть и тот день, когда прилетел на мой аэродром первый самолет? Как сейчас вижу: вот он показался над верхушками дальних лиственниц, вот сник стрекот мотора, вот он стелется над самой землей, вот уже опустился хвост — летчик готовится сесть классно, на три точки. Лишь бы не дал козла, лишь бы все было хорошо! И все было хорошо.

А потом строили бревенчатое здание для аэропорта с командной вышкой в виде мезонинчика, потом строили склады, потом приехали метеорологи и радисты, и мы стали принимать самолеты по всем правилам. Сколько было еще хлопот, сколько волнений! Помню, целый месяц доставал в соседнем городе старенький бульдозер, чтобы было чем расчищать снег на поле — ведь до этого мы трамбовали его ногами, иной раз сутками длилась такая работа. Помню, как, не долетев до нас, приземлился на

вынужденной «Як» с почтой и я бросился в тайгу, заблудился, ночевал в тайге, без оружия... Случилось так, что вместе с этими постоянными хлопотами пришло и личное счастье — ну, это уже вопрос, как говорится, особый. Что ж, летчика из меня не вышло, зато работа была какой-то предметной, что ли, ощутимой: вот он, аэродром, вот они, антенны передатчиков, все, что было создано своими руками. А сколько друзей оказалось, искренних, скажу я вам, верных друзей! Летчиков, и тех, кто жил в наших краях — охотников, врачей, геологов. И каждый день я понимал, что нужен им, по-настоящему нужен. Не подумайте, что я хвастаюсь. Нет, дело-то мое, я сам понимаю, небольшое, местное дело. А для меня оно важно. Вот вы заговорили о смысле жизни...

— Да куда же вы теперь направляетесь? — спросил историк.

— На сессию. — просто ответил начальник аэродрома. — Надо учиться, хозяйство наше усложняется!..

* * *

Я живу на севере Иркутской области, в поселке, рядом с которым строится первая в нашей стране мощная гидроэлектростанция в зоне вечной мерзлоты. Поселок обступают мрачные гольцы, поросшие редким лесом, — чем выше, тем реже лесок, а вершины их почти лысы, голы; отсюда, должно быть, и местное название сопки. Здесь район золотоискателей. Говорят, именно здесь жили прототипы героев шишковской «Угрюм-реки».

Поселок, разумеется, новенький, весь насквозь вкусо пропахший свежей сосновой щепой. Тут же, рядом с двухэтажными общежитиями и коттеджами типа «Арктика», ряды палаток — в них жили первые гидростроители, в них живут и теперь. Меня особенно интересуют палатки — их населяют самые молодые, крепкие ребята из неустанно прибывающего пополнения. Здесь они зарабатывают свой «ценз оседлости», пока не переведут их в бревенчатые дома.

Я хожу по палаткам, знакомлюсь с неунывающими их хозяевами, хлопцами и девчатами, приехавшими из самых дальних краев. Исподволь подвожу некоторые статистические подсчеты. Пытаюсь подчинить арифметике сложные мотивы, побудившие добровольцев к переезду в эти не слишком-то мягкие по климату места. Получается довольно любопытная картина.

Большая часть молодежи — примерно около пятидесяти процентов — это энтузиасты чистой воды, романтики, которых привел сюда зов сердца, комсомольский долг. Путевку, полученную в райкоме комсомола, они считают главным своим документом, гордятся ею. Это замечательный народ, пылкий, отзывчивый, надежда и опора всего строительства. Часть переселенцев — это народ чуть постарше, перешагнувший рубеж двадцатилетия, — приехала сюда с твердым намерением устроить свою жизнь, прочно обосноваться на новых местах, обзавестись семьей, приобрести хорошую, твердую специальность. Мотив, который можно считать очень серьезным. Из таких многие по окончании стройки не уезжают из поселка, становятся эксплуатационниками. Их примерно около трети. Немало и тех, кто приехал сюда в расчете на высокие заработки. Они составляют, может быть, процентов пятнадцать-двадцать от общего числа строителей.

Я не спешу обзывать их охотниками за длинным рублем. Конечно, есть среди них и летуны, ненавистная хозяйственникам категория. Но многие из этих двадцати процентов работают толково и споро и не обуюны «охотой к перемене мест». Кто высылает деньги мамаше, кто экономит зарплату для будущего — для учебы, для постройки дома где-нибудь в сибирском колхозе. Словом, категория разношерстная, и далеко не всем из них можно отказать в симпатии.

Есть и группа, стоящая особняком. Их мало, но они как-то заметны. Это те, кого побудили к переезду личные неурядицы. В недавнем прошлом у них семейная или иная драма, нередко неудача в любви, работать с ними тяжело — требуется особый подход, а не каждый бригадир или прораб отличается педагогическим чутьем. Когда я делюсь с редактором местной газеты своими статистическими выводами, он именно эту последнюю кате-

горию подчеркивает красным карандашом и с сомнением покачивает головой. «Как-то не показательно...»

А почему, собственно, не показательно? Разве не примечательно то, что именно в Сибири эти люди, так глубоко и остро переживающие свою неудачу, как это может быть только в юности, ищут спасение? Значит, Сибирь залечивает самые тяжкие раны, значит, есть в ней чудесная сила, помогающая человеку вновь приобрести душевное равновесие, уверенность в себе, может быть, пережить второе рождение... Именно здесь неоперившийся еще юнец, вообразивший, что весь мир рушится из-за его личной катастрофы, приобретает мужественный, твердый характер, становится настоящим бойцом. Потому что здесь есть работа, требующая всего человека, без остатка, есть надежные друзья, есть борьба и есть исцеляющее ощущение побед.

Парторг стройки, задумчиво разглядывая протокол комсомольского собрания, на котором решался вопрос об очередном воскреснике, говорил:

— Я бы послал руководителями таких строителей, имеющих, кроме технического, еще и педагогическое образование. Ведь здесь, по сути, создана огромная школа. Школа жизни, где нет классных занятий и где каждый человек — и ученик и учитель. Основная масса наших рабочих — парни и девчата в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти. Здесь из них куется настоящие люди.

* * *

Школа жизни. Тон в этой школе задают ребята, приехавшие по комсомольским путевкам. За ними тянутся остальные. И бывает так, что и закоренелые летуны, глядящие на стройку глазами «умудренных» знатоков жизни, заражаются общей атмосферой комсомольского задора и энтузиазма. Каждый день стройки приносит известие о трудовых подвигах ее патриотов. Монтажник Марат Яковлев, повиснув над рекой на высоте ста метров, сумел починить тележку кабель-крана, сошедшую с троса. Электрик Кеша Бороздин, пробыв полтора часа в ледяной воде, спас электромоторы; их грозил залить паводок. Тракторист Михаил Гродский ночью спас автомашину с запчастями, попавшую

.....

Когда-то «романтиком» называли юношески восторженного человека, еще не обтесавшегося в жизненной сутолоке. Советский образ жизни заставил по-новому звучать это слово. Наша романтика родилась вместе с революцией. В стране энтузиастов житейские уроки только закаляют человека, воспитывают в нем зрелость, сохраняя молодость и силу чувств.

Ветер комсомольской романтики несет с собой запахи таежной хвои, целлинного зерна, цветущих садов, выросших в пустынях... Над какими бы широтами и долготами ни веял этот ветер, в революционной романтике, в беспокойстве чувств советского человека главным всегда будет увлеченность работой, созидательный порыв,

Нас светлые дали зовут

Мы любимся силуэтами домен и шахтных копров, перспективой уходящего вдаль рельсового пути, стеклянными панно цеховых стен. Нашему сердцу близка и доступна поэзия созидания. И когда мы только еще приходим на пустырь, мы уже видим сквозь неприятельность будней грядущую красоту.

в полынью на реке. И эти факты — лучшие уроки в клокочущей школе жизни.

* * *

Советский характер... Вам расскажет о нем Сибирь, встречи на ее дорогах и стройках — и если вы полюбите этот удивительный край, вам откроется во всем величии и своеобразии облик его патриотов. Да, Сибирь — одна из тех кузниц, где куется крепкий, могучий характер человека коммунизма. Разумеется, эта работа происходит повсюду, во всех уголках страны. Но в Сибири, пожалуй, особенно ярко и сильно.

Армия строителей новой Сибири пополняется с каждым днем. Каждый день на перроны сибирских станций — больших и малых — выходят

сотни юношей и девушек. У них нехитрый багаж — чемодан, рюкзак, а случается, и авоська, купленная где-нибудь на Невском или Крещатике. Это люди разных национальностей. Пройдет немного времени, и они сплотятся в одну дружную семью сибиряков.

Многие из них еще не сталкивались ни разу с настоящими трудностями, будут в их жизни еще неудачи и огорчения. Но будут и победы, а значит, будет счастье. Они пройдут здесь ту великую школу, какую проходили их отцы и матери, строившие Комсомольск и Магнитку. Обветреют их лица, но сердца останутся такими же юными, отзывчивыми и любящими. Тот, кто испытал радость вдохновенного труда, навсегда сохранит верность романтике, мечте — а это, надо полагать, тоже черта советского, а значит, и сибирского характера...

Нас светлые дали зовут

Мы знаем: коммунистическое общество обеспечит для всех своих членов изобилие материальных и духовных благ.

Общенародную задачу — добиться мощного подъема всех отраслей сельского хозяйства, создать изобилие сельскохозяйственных продуктов — советская молодежь восприняла как свое кровное дело. Юности с присущими ей творческой активностью и энтузиазмом по силам взять небывалые высоты.

Сейчас у молодых полеводов и опытников, трактористов и агрономов, чабанов и доярок горячие дни: идет весна четвертого года семилетки, весна мартовского Пленума ЦК КПСС, поставившего новые грандиозные задачи в развитии сельского хозяйства страны.

Нас светлые дали зовут

На долгие века монументальными памятниками прошлых эпох остались гробницы и храмы — «обиталища» мертвых и богов. В них сила человеческая и искусство переплелись со слабостью и суеверием.

Наше поколение оставит по себе память иного рода. Памятниками нашего времени станут плотины гидроэлектростанций и машиностроительные гиганты, новые стальные магистрали и атомные электростанции, распаханная целина и многоводные каналы. Созданные людьми и для людей, они еще долго будут служить грядущим поколениям.

Фото А. ГОРЯЧЕВА